

стный и пропащий, хотя следует воздерживаться от оскорбления и бесчестных людей, чтобы они не причинили нам какого-нибудь вреда. Доброму человеку ты возвратишь деньги не потому, что это добродетельно, но чтобы порадоваться его благу, его радости и расположению, кроме того, приобрести доверие других. Однако здесь необходим совет: ты должен умышленно делать это не наедине и не скрытно от всех, иначе это известие не дойдет до других людей, и делать ради пользы, а не ради добродетели, как я уже говорил. 2. Если твое основание этого поступка – не причинять вреда человеку, насколько достойнее и целесообразнее мое – и ему и себе принести пользу. И хотя я действую только в собственных интересах, но при этом хочу быть полезным другому, чтобы равным образом быть полезным самому себе. Поэтому, если бы я не возвратил деньги прохожему, то был бы преступником по отношению к своему доброму имени. Но верно и то, что если бы деньги были нужны мне для сохранения жизни, то, даже по вашему мнению, возвращать их не следует. <...>

XXVIII

1. Надеюсь, я сказал обо всем, чего требовала тема наслаждения. Однако видно, что побежденные в бою и честной борьбе и обращенные в бегство противники, возвратившись в лагеря и ругая из-за вала победителей, заявляют, что у них все же остаются созерцательная жизнь и спокойствие духа и что эти вещи являются исключительно благами добродетели и составляют у них общее с бессмертными богами; мы же следуем-де презреннейшему наслаждению, позорному, отвратительному и вызывающему раскаяние. Итак, разгромим этих непокорных и выведем их из лагерей, которыми они называют два блага, относящиеся к одной лишь душе.

2. Обсудим прежде всего созерцание, на которое указал Катон. Твой Аристотель считает, что надо стремиться к трем благам. Он так говорит об этом (воспользуюсь лучше словами нашего друга Леонардо Аретино, который недавно перевел его «Этику» на латинский язык, и перевел очень искусно и поистине на латынь): "к чести же, к наслаждению, к разуму и всякой добродетели мы стремимся как ради них самих, так и ради счастья". То же самое он выразил выше другими словами, сделав полную наслаждений жизнь одновременно гражданской и созерцательной и следуя в этом Платону, который установил три цели в государстве: знание, почести, доход (что было взято из известного вымысла Гомера о трех богинях – Юноне, Минерве и Венере).

3. Мнение Аристотеля о достижении трех благ ради них самих и ради счастья ненаучно и нескладно, словно счастье есть нечто отличное от них самих. Ведь добавляя "ради счастья", мы добавим и "ради блаженства" и "ради достижения всех благ" или всего им подобного. Если не следует допускать установления излишних целей, зачем добавлять четвертую, а именно добродетель, которая есть не что иное, как эти три. Не говори, что Аристотель понимает стремление к ним ради них самих как частное, а стремление ради счастья – как общее. Ибо если они представляют собой виды рода, то нельзя стремиться к роду самому по себе, потому что это ничто, как, например, «дерево», которое само по себе только название и включает в себя виды и отдельные, как лавр, олива или этот лавр, эта олива, или, например, добродетель, которая похвальна не из-за рода, но из-за составляющих ее видов: справедливости, мужества, умеренности. Если же отдельные части сами по себе без целого не имеют значения, как нога, рука, глаз – без тела, то стремятся не к частям, а к целому; так и к добродетели нужно стремиться не ради нее самой, но ради счастья. Об этом достаточно.

4. Из трех же целей, установленных Аристотелем, две, а именно касающаяся наслаждения и гражданская, доставляющая почет, что, пожалуй, относится к славе, ничем между собой не различаются, но вторая является разновидностью первой. Поэтому остается рассмотреть третью и свести ее к наслаждению, чтобы стало ясно, что в наслаждении, которому мы следуем, заключено истинное и совершенное счастье и то благо, к которому, по словам Аристотеля, все стремятся. Итак, Аристотель отдает пальму первенства созерцательной деятельности. Так как во многих местах он не скрывает, что в созерцательной и гражданской жизни присутствует наслаждение (или, яснее сказать, к созерцательной жизни надо стремиться потому, что она есть соиздательница наслаждения в душе), я мог бы сразу снять этот вопрос.

5. В самом деле, мы согласны, что какой-то вид наслаждения должно превозносить; об этом говорил и Платон, полагая в душе два удовольствия, к одному из которых следует стремиться, а другого избегать. Я согласен с ним, хотя, как я показал выше, всякое наслаждение благо. Да и Платон в книгах "О государстве" три цели часто называет удовольствиями. Но Аристотель признает два наслаждения – одно в чувствах, другое в душе. Однако я не понимаю: если у них одно и